
*Е. ЯСИН,
доктор экономических наук, профессор,
научный руководитель ГУ—ВШЭ*

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ОБЩЕСТВО*

В последние годы активно обсуждается вопрос о необходимости модернизации России. Но готово ли российское общество ее воспринять? По мнению большинства, общество не было готово к чересчур радикальным реформам. Это мнение нашло широкое распространение. Но когда в 1999 г. стало ясно, что основные задачи рыночных реформ решены, встали новые задачи — модернизация экономики, демократизация политической системы. Тогда снова начали говорить, что общество не готово к демократии, бизнес безответствен, граждане не хотят активно участвовать в общественных делах.

Как меняется мир

Модернизация. К концу советской эпохи Россия заметно отставала от развитых стран по технике и технологиям (кроме некоторых областей, связанных с обороной) и еще больше — по уровню благосостояния населения. Нарастающее отставание все более чувствительно воспринималось элитой и в конце концов стало важнейшей причиной начала преобразований. Речь шла не просто о модернизации экономики, но всего общества. Это и вызывает сопротивление общества, ибо значительная часть населения, желая жить лучше, не хочет перемен. Однако необходимость модернизации обуславливается и изменениями в мире, вызовами, на которые должна отвечать страна.

Капитализм и современный экономический рост. В XVII—XVIII вв. устойчивый в течение веков образ жизни в Европе стал меняться возрастающими темпами. Развитие рыночных отношений, свободной торговли, частной собственности, конкуренции вылилось в огромный поток нововведений, в короткие сроки преобразивших мир. Англия и Голландия были пионерами, затем к ним из крупных держав присоединились Франция, Германия, США, наконец, Япония и Россия.

В сущности, разрыв в уровне развития и благосостояния между странами-лидерами и странами, сохранявшими традиционную аграрную экономику и феодальные социальные порядки, был обусловлен тем, что первые раньше вторых вступили в эпоху индустриализации и урбани-

*Статья подготовлена на основе доклада автора на VIII Международной научной конференции ГУ—ВШЭ «Модернизация экономики и общественное развитие». Москва, 2007, 3—5 апр.

зации. Но в дальнейшем и остальные страны одна за другой вставали на путь индустриализации, характеризовавшейся разными уровнями.

Тем временем развитые страны, страны-лидеры столкнулись с новыми явлениями: темпы роста у них оказались заметно ниже, чем в догоняющих странах, а рабочая сила намного дороже. Главным двигателем экономики стали инновации. Но поддержание конкурентоспособности, основанной на высоком качестве постоянно обновляемой продукции и высоких ценах, характеризуется большой неопределенностью, всегда связано с рисками и напряжением. Инновации осуществлялись в основном на Западе. Догоняющие страны, кроме Японии и Южной Кореи, пока не могут с ним конкурировать, но все время поджимают лидеров, ставя перед ними принципиально новые проблемы, которые все труднее решать.

Постиндустриальная стадия и новая расстановка сил. Можно поэтому предположить, что снижение темпов роста во всех странах, кроме лидеров, для которых становление постиндустриальной экономики уже состоялось, означает необходимость перехода к инновационному развитию. Вопрос, однако, в том, насколько те или иные страны, те или иные культуры и социальные системы способны конкурировать на поле инноваций. Также правомерной представляется гипотеза, что эпоха индустриализации переводит человеческую цивилизацию на принципиально иной уровень развития — от аграрной экономики, господствовавшей тысячелетиями, к экономике инновационной или коммуникационной (неважно, как ее назвать), вероятно, тоже довольно устойчивой, во всяком случае менее чреватой революциями как технологическими, так и социальными.

Одни страны оказались в лидерах, в том числе и по инновациям, другие добиваются высоких темпов, но используют в основном технологии лидеров, а третьи имеют только высокие темпы роста населения и вялую экономику. Справедливо ли считать, что эти различия обусловлены лишь стадией развития страны, политикой государства или стечением обстоятельств, счастливым для одних и несчастливым для других? Или все же часть этих различий обусловлена, по крайней мере, иными факторами, например различиями в институтах и культуре? Есть весьма веские основания предполагать, что именно они и определяют различия между цивилизациями и уровнем их развития. Если граждане определенных стран, определенных культур хотят жить лучше, причем у себя на родине, они должны понимать, чем вызвано их отставание, какие именно институты и элементы культуры надо менять, какие усилия и кто должен предпринять, чтобы его устранить.

Пять цивилизаций. Под цивилизацией условимся понимать совокупность стран и народов, объединенных общими культурными свойствами, сходством языков, институтов, ценностей, общностью исторической судьбы. В самом широком плане при допущении исключений, пересечений, граничных структур выделим из числа существующих ныне в мире цивилизаций пять основных¹: европейскую, включая Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию; восточно-азиатскую,

¹Шестая цивилизация — Африка южнее Сахары. Но я не располагаю данными по ней и для целей данной статьи могу ее не рассматривать.

включая Японию, Корею, Китай и страны китайского мира (Тайвань, Сингапур); южно-азиатскую, главным образом Индию; исламскую (от Индонезии на востоке до Марокко на западе); латиноамериканскую. Каждая из названных цивилизаций насчитывает около 1 млрд и более человек. В таблице 1 приведены их основные характеристики по двум ключевым показателям: пройдена или не пройдена индустриализация; каков преобладающий демографический режим.

Т а б л и ц а 1

Основные цивилизации и свойства их современного развития

Цивилизации	Индустриализация	Население	Примечания
Европейская	Завершена	Не растет	Япония – европейский сценарий
Восточно-азиатская	Идет быстро	Не растет	
Южно-азиатская	Идет быстро	Растет быстро	Большой традиционный сектор
Исламская	Идет медленно	Растет быстро	Большой традиционный сектор
Латиноамериканская	Идет медленно	Растет быстро	Большой традиционный сектор

Т а б л и ц а 2

Прогноз Всемирного банка темпов роста экономики и населения в 2005–2020 гг. (% среднегодовые)

Цивилизации и страны	ВВП	Население
Европейская цивилизация		
Европейский союз-25 и Ассоциация свободной торговли	2,3	-0,1
США	3,2	0,7
Канада	2,6	0,4
Австралия и Новая Зеландия	3,5	0,7
Бывший СССР	3,2	-0,1
Восточно-азиатская цивилизация		
Япония	1,6	-0,2
Китай	6,6	0,6
Корея	4,7	0,3
Гонконг и Тайвань	4,3	0,4
Сингапур	4,9	0,8
Таиланд	4,6	0,5
Вьетнам	5,4	1,1
Филиппины	3,5	1,5
Южно-азиатская цивилизация		
Индия	5,5	1,1
Остальная Южная Азия	5,0	1,7
Латинская Америка		
Бразилия и Аргентина	3,6	1,0
Мексика	3,8	1,4
Остальная Латинская Америка	3,3	1,3
Исламская цивилизация		
Ближний Восток и Северная Африка	4,1	1,6
Индонезия	5,2	1,1
Малайзия	5,6	1,4
Высокоразвитые страны	2,7	0,2
Страны со средним доходом	4,5	0,8
Страны с низким доходом	4,7	1,5
Весь мир	3,1	0,9

Источник: Martin W., Dimaranan B., Ianchovichina E. Dancing with Giants: Adjusting to the Export Growth of China and India / Report of JETRO Symposium «Rise of the Next Giants?: Anatomy of BRICs». Tokyo. Dec. 2006.

В таблице 2 дан прогноз Всемирного банка этих показателей по важнейшим странам цивилизаций до 2020 г. Выделенные цивилизации могут быть сложными, составными, поэтому их части тоже могут претендовать на роль самостоятельных цивилизаций. Между отдельными странами также наблюдаются большие различия. Но принятые критерии позволяют различить самые общие и сравнимые характеристики развития по каждой из них.

Тектонические сдвиги в мировой экономике. В докладе В. Мартина и его коллег² приводятся результаты расчетов на имитационной модели влияния на мировую экономику роста Китая и Индии. Если будут выполняться предпосылки, заложенные авторами в модель, а они достаточно разумны, то во всех основных центрах мировой экономики экспорт по основным товарам сократится, в том числе из Европы и США, Японии, Латинской Америки, стран Ближнего Востока и Северной Африки. В случае ожидаемого повышения качества китайских и индийских товаров это сокращение окажется еще больше. Так, экспорт электроники из США снизится на 11%. Российской продукции обрабатывающей промышленности придется со все большим трудом пробиваться на мировые рынки, да и внутри страны конкуренция усилится. Исключение составят лес и металлы, на которые будет предъявлять спрос растущая индустрия Китая и Индии. Для России вызов будет особенно чувствительным, потому что в течение всех лет застоя она не участвовала в мировой конкуренции. И сейчас наша страна на каждом шагу обнаруживает свое отставание не только по сравнению с развитыми странами, но и с теми, которым еще недавно, казалось бы, она предоставляла техническую помощь.

Таким образом, в результате роста экономики Китая и Индии в ближайшие десятилетия многие страны будут испытывать нарастающий кризис конкурентоспособности. Возможны два выхода из него. Первый — повышение конкурентоспособности за счет снижения стоимости прежде всего рабочей силы, но это означает движение назад. Второй выход — постоянный поток инноваций, появление новых продуктов, которые опережают поступление дешевых и все более качественных товаров из стран — новых экономических гигантов.

Европейская цивилизация и сегодня лидирует, но отсутствие роста населения, наплыв в страны этой культуры инокультурных иммигрантов создают видимость ее перехода в стадию упадка. Может быть, это и так, но вероятнее всего то, что европейская цивилизация уже перешла в следующую, информационно-коммуникативную или инновационную стадию развития. Другие цивилизации еще находятся в фазе перехода, при этом они сталкиваются с необходимостью менять свои традиционные институты и культуры, заимствовать более продуктивные элементы другой культуры. Отдельные страны могут развиваться быстрее других или отставать, подвергаться угрозам, сопротивляться модернизации в разной мере.

Восточно-азиатская цивилизация будет «наступать» прежде всего ростом производства, повышением своей доли в мировом валовом

² Martin W., Dimaranan B., Ianchovichina E. Op. cit.

вом продукте, претендуя при этом на роль инновационного лидера. На примере Японии она доказала свою способность конкурировать с Западом. Но важно, как будут разворачиваться события в Китае. Культурные ограничения начнут сказываться уже через 15–20 лет. На повестку дня встанут политические изменения.

Южно-азиатская цивилизация. Индия также будет быстро расти, конкуренция на мировых рынках развернется и с Китаем, и с Западом. Культурные ограничения роста, очевидно более сильные, будут все время сказываться и приобретут критическое значение. Но инновационный потенциал, видимо, начнет использоваться быстрее — в тесной кооперации с Западом и как конкурентное преимущество против Китая.

Латиноамериканская цивилизация скорее всего не изменит своих позиций на рынках. Культурное отставание будет сохраняться, различия современного энергичного Сан-Пауло с полусонным Ресифе вряд ли исчезнут. Но эти цивилизации будут использовать аргумент дешевой рабочей силы по крайней мере еще 20–25 лет. Она будет постепенно дорожать, урбанизация начнет «съедать» разрыв с развитыми странами в приросте населения, и в конечном счете должно произойти выравнивание демографических режимов. Трудности, связанные с институциональными и культурными изменениями, будут тормозить эти процессы: чем они медленнее, тем дешевле рабочая сила, тем дольше в странах догоняющих цивилизаций будет сокращаться разрыв между современным и традиционным секторами.

Исламская цивилизация, судя по сегодняшнему состоянию, будет замыкать список, как и ныне, питаясь доходами от природных богатств и эмоциями относительно тех, кто уходит вперед. И это просто констатация факта наибольшего консерватизма исламских институтов и ментальности.

А что же Россия в этой игре миллиардных гигантов? Мы до сих пор мыслим себя «в концерте» так называемых великих держав — Германии, Франции, Великобритании, США, Японии, главным достоинством которых была военная и промышленная мощь. Остальное — периферия, с которой можно было не считаться. Теперь ситуация меняется. Нефть не может заменить промышленность и культуру. Многие русские национал-патриоты настаивают на том, что Россия — самостоятельная цивилизация, отличная и от Запада, и от Востока. Возможно, они правы, так как мы во многом не похожи ни на кого. Но сегодня это имеет второстепенное значение, ибо *страна сталкивается с новыми вызовами, на которые должна найти ответ.*

В таблице 3 приведены оценки конкурентных преимуществ России и ряда других стран и цивилизаций, а также ограничения их развития. Мы видим, что Россия, как и Европа, имеет ограничение роста по трудовым ресурсам. Китай, Индия, Бразилия и страны ислама такого ограничения не имеют. Это значит, что они могут принимать капитал и обращать его в экономический рост, правда, в той мере, в какой будут позволять свойственные им институты и культура.

Зато Россия, как и исламская цивилизация и Бразилия, имеет конкурентное преимущество по природным ресурсам. Но, в отличие от нас, у них — избыток рабочей силы. Капитал, как показано

**Факторы развития и конкурентные преимущества
стран и цивилизаций**

Факторы развития	Россия	Китай	Индия	Бразилия	Европа	Страны ислама
Трудовые ресурсы	–	+	+	+	–	+
Природные ресурсы	+	–	–	+	–	+
Капитал	v	+	+	+	v	v
Институты	+	v	v	v	+	–
Культура	+	v	v	v	+	–

«+» — конкурентное преимущество;

«–» — ограничение;

«v» — нет ограничений, но нет и преимущества.

выше, ныне ни для кого не является ограничением, рынки капитала доступны. Китай, Индия и отчасти Бразилия, располагая рабочей силой, привлекают и прямые иностранные инвестиции, обращая их в рост. Европа, будучи крупным экспортером капитала, сталкивается с дороговизной его вложений у себя.

Россия, предъявляя высокий спрос на инвестиции для модернизации, имеет собственные инвестиционные ресурсы и может привлекать капиталы с рынков. Однако она не в состоянии эти ресурсы полноценно использовать, обращать их в высокие стабильные темпы роста. Почему? Прежде всего из-за ограничений по рабочей силе: выбирать придется, как и в Европе, только те проекты, которые обеспечивают высокую производительность труда. Имеющиеся же ресурсы, в том числе от экспорта нефти и газа, трудно использовать в стране из-за ограничений в институтах и культуре, а также активного государственного вмешательства в экономику. Это приводит к сравнительно низкой деловой активности: бизнес избегает масштабных долгосрочных проектов.

Россия в ближайшие десятилетия не сможет преодолеть ограничения по трудовым ресурсам, поэтому не способна будет конкурировать ни с Китаем, ни с Индией, ни с Бразилией. Она уже прошла фазу индустриализации и урбанизации, правда не очень удачно, ресурс модели догоняющего развития израсходован. Для России, как и для Европы, остается только инновационная модель развития. Но ее применение упирается в необходимость изменения институтов и культуры, которые могут повысить до максимума деловую активность. По сравнению с Европой и США есть одно преимущество, оно же и ограничение: российские институты и культура, в отличие от экономики в целом, содержат очевидный потенциал догоняющего развития, их можно менять. Но вопрос в том, сможем ли мы его использовать. *Россия как бы застряла между новыми мировыми игроками (Бразилией, Индией, Китаем), оказывающими давление дешевой рабочей силой и захватом рынков, и странами-лидерами инновационного развития, от которых она явно отстает, но все же имеет шанс догнать.*

Пока власти и общество недостаточно серьезно осознают важность вызова. Все еще сохраняется иллюзия, что Россия может пойти по пути не Европы, а, скажем, исламской цивилизации, сделав упор на природные ресурсы и активность государства. Напомню,

однако: доходы от нефти и газа не могут обеспечить долгосрочное развитие и конкурентоспособность страны, если нет дешевой рабочей силы либо достаточного инновационного потенциала, зависящего от институтов и культуры.

Таким образом, Россия, во-первых, *обречена добиваться инновационного развития*: она не имеет времени в отличие от Китая, Индии или Бразилии. Это и ответ на вопрос, почему нам необходима модернизация. Во-вторых, *добиваться такого развития можно только посредством социальных и политических реформ, изменяющих институты, а затем и культуру* в направлении, обеспечивающем повышение инновационного потенциала. Это ответ на вопрос, какой должна быть у нас модернизация. В-третьих, *государство и элита обязаны готовить общество* к необходимым переменам, добиваться позитивного восприятия им перемен, а не создавать препятствия в интересах тех или иных частных групп.

Условия инновационного развития и необходимые институциональные изменения

Попробуем представить себе условия, которые требуются для перехода к инновационной экономике, и институциональные изменения, необходимые для их создания. Есть некая общая предпосылка, состоящая в достижении *минимального стандарта благосостояния*. Предположим, он выражается в душевом ВВП, равном 5 тыс. долл. в год. Этот стандарт нами достигнут, если считать по паритету покупательной способности. Другие условия следующие: *свобода творчества; свобода предпринимательства; конкуренция; высокий уровень образования; наука; индустрия инноваций; социальный капитал, доверие*. Эти условия должны быть обеспечены на конкурентоспособном уровне, то есть на таком же, как в странах с инновационной экономикой, или выше.

Свобода творчества. Она необходима для неординарных решений в самых различных областях, чтобы увеличить радиус поиска для каждого, снять ограничения, что, возможно, и обеспечит лучшие решения. Следует подчеркнуть: важна не абстрактная свобода, а оптимальный баланс свободы творчества и ограничений, который каждый определяет для себя. Но и общество, накладывая свои ограничения, также участвует в этом поиске. Инновационная экономика предполагает, что баланс смещается в пользу свободы. Ограничения, по крайней мере внешние по отношению к личности, должны сокращаться. Вполне понятно, что инновационной экономике адекватен минимум регламентаций, чтобы как можно лучше использовать творческий потенциал людей.

Творчество всегда присутствовало в человеческой деятельности. Теперь его зачастую обозначают иностранным словом «креатив». Р. Флорида замечает, что название новой стадии развития экономики — «информационная» или «экономика знаний» — неточно. Современная экономика приводится в действие человеческой креативностью. Креативность превратилась в «основной источник конкурентного

преимущества»³. Инновационную экономику можно иначе назвать экономикой креативной.

В Новое время промышленная революция стала следствием потока инноваций с резко возросшей интенсивностью. Правда, в истории капитализма затем была организационная эпоха, когда концентрация производства и рост монополий посредством серии организационных инноваций, позволивших создать массовое производство стандартных изделий и реализовать экономию на масштабе, стали подавлять креативность и инновации организаций. Но это время прошло, выявилась потребность поддерживать новую форму баланса между организацией и свободой творчества. Теперь можно наблюдать появление нового качества: если раньше нововведения в основном воплощались в конструкции товаров, в технологии их изготовления, то сегодня все чаще происходит отделение их производства в самостоятельные виды деятельности, создание все новых креативных отраслей.

Статистика креативной деятельности еще не устоялась, но ее появление примечательно. Р. Флорида определил отрасли креативной экономики и предложил новую классовую структуру, оценив ее состав и динамику. Он выделяет креативный класс, в том числе его суперкреативное ядро, а также обслуживающий класс. От прежнего членения остались рабочий класс и сельское хозяйство⁴. В конце XX в. произошел качественный сдвиг, в том числе быстрый рост креативного класса и снижение доли фермеров и рабочих. С 1980 г. стала снижаться доля даже занятых обслуживанием. Так выглядит в современном мире инновационная экономика, в которой растущее число людей зарабатывают творчеством.

Свобода предпринимательства. Во-первых, это — составляющая свободы творчества, во-вторых, больше свободы предпринимательства — больше, в конечном счете, и спрос на инновации и на те интеллектуальные продукты, которые используются при их создании. Сегодня мы сталкиваемся с проблемой: наш бизнес сравнительно меньше тратит на инновации, исследования и разработки, чем конкуренты, включая Китай и Бразилию. Это можно объяснить причинами, которые в принципе устранимы. Первая — предпринимательство в России молодо, оно еще склонно к поиску ренты, тем более что для этого пока есть возможности. Вторая — сегодня далеко не исчерпаны возможности технологических заимствований, которые рационально использовать в первую очередь. Третья причина — предпринимательство в рамках закона действительно должно быть свободно. Если оно отказывается от долгосрочных или рискованных проектов, если оно может и вынуждено платить взятки чиновникам или тратить свои средства по указке людей, не имеющих отношения к бизнесу, «быть шелковыми», как выразился недавно один из высоких чинов кремлевской администрации, значит, оно несвободно.

Институты, гарантирующие свободу предпринимательства, хорошо известны: верховенство закона; независимый и компетентный

³ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика — XXI, 2005. С. 19.

⁴ Там же. С. 62, 359.

суд, вызывающий доверие, способный выносить решения и против государства, если его представители нарушают закон; низкие административные барьеры; свободный вход на рынок; обеспечение безопасности бизнеса от коррупции и криминальных действий. Ключевые вопросы — защита прав собственности, в том числе интеллектуальной, обеспечение исполнения контрактов.

Конкуренция — абсолютно необходимое дополнение к свободе предпринимательства. Она заставляет поддерживать тонус всей экономики, прежде всего посредством мотивации нововведений. Равенство условий конкуренции имеет принципиальное значение для того, чтобы исключить получение конкурентных преимуществ иным способом, кроме как на основе реализации наиболее эффективных нововведений. Их отбор должен производиться только по экономическим критериям и не зависеть от связей и привилегий.

В 2006 г. был принят новый закон «О защите конкуренции», который заметно улучшает правовое регулирование в этой сфере. Достаточно сказать, что рыночная доля, позволяющая признать положение компании на рынке доминирующим, снижена с 65 до 50%. При условии внесения поправок в Кодекс административных нарушений за злоупотребление использованием доминирующего положения можно будет наказывать оборотными штрафами в крупных размерах и включая случаи коллективного доминирования. Вместе с тем сумма сделки, требующая одобрения антимонопольного органа, повышена с 20 млн до 3 млрд руб. (примерно такой порог применяется и в США). Это важно, потому что до сих пор ФАС и его предшественники занимались «мелочевкой», а крупные злоупотребления, чаще всего практикуемые монополиями и компаниями, имеющими связи в высших эшелонах власти, оставались за пределами их воздействия. Сейчас количество судебных дел, возбуждаемых ФАС, должно сократиться в 18 раз, а его возможности реально защищать конкуренцию только возрастут, если, конечно, закон станет обязательным для всех. Но это как раз и вызывает сомнения.

Несмотря на аргументы либертарианцев против антимонопольного законодательства, оно все же, видимо, необходимо, особенно если антимонопольные органы будут достаточно независимы и наделены весомыми полномочиями, чтобы противостоять лоббизму крупных компаний.

В 2002–2003 гг. на российских рынках возросло число антиконкурентных действий. Доли респондентов, права которых такими действиями нарушались, составили 7% на предприятиях с числом работников до 100 человек; 11 — от 100 до 500 человек; 19% — свыше 500 человек. В суд с исками по таким поводам обращались только крупные компании, а главными нарушителями законов о конкуренции были региональные и местные органы исполнительной власти⁵.

Главная же наша беда — неисполнение законов и отсутствие достаточно жестких механизмов принуждения. Возможно, ситуацию удалось бы улучшить, если бы проводилась, в том числе общественными организациями, союзами предпринимателей и потребителей, широкая разъяснительная работа о пользе здоровой конкуренции и возможностях борьбы с теми, кто ей противодействует. Конкуренции также содействуют открытая экономика, максимальное сокращение пограничных барьеров.

⁵ Голикова В., Долгопятова Т., Кузнецов Б., Симачев Ю. Спрос на право в области корпоративного управления: эмпирические свидетельства / Научный доклад № 148. Московский общественный научный фонд. 2003.

Образование. Оно должно решать две противоречивые задачи. С одной стороны, создавать условия для широкой образованности и получения профессиональной квалификации, включая овладение определенным набором компетенций, умений, всеми гражданами страны, чтобы они были конкурентоспособны на рынке труда. С другой — обеспечивать выявление, отбор и подготовку наиболее способных, одаренных, талантливых людей с учетом специфических способностей, требуемых для разных областей деятельности. Равные возможности должны иметь все молодые люди независимо от статуса и состоятельности родителей. Подобные задачи перед системой образования ставятся давно, но для инновационной экономики они приобретают особую актуальность.

Советская система образования обладала многими положительными свойствами, прежде всего демократичностью. Но современным требованиям она уже не отвечает, а пока шли реформы в других сферах и страна переживала трансформационный кризис, ее отставание еще больше возросло. Отсюда необходимость реформы образования и вложений крупных средств в ее развитие. Концепция реформы была определена несколько лет назад и представляется в целом конструктивной. Основные ее элементы: ЕГЭ — единый государственный экзамен; ГИФО — государственное именное финансовое обязательство (образовательный ваучер); открытость образования, участие страны в так называемом Болонском процессе; развитие творческих способностей обучаемых.

Исключительно важным для реализации инновационной модели развития страны является развитие творческих способностей обучаемых на всех уровнях образования. Добиться конкурентоспособности в инновационной экономике (раскрытие творческих способностей и обеспечение свободы творчества, готовность отказаться от канонов) — важнейшая задача образования. Для этого в образовательном процессе должно быть увеличено время самостоятельной работы обучаемых, сокращено время аудиторной, «горловой» нагрузки преподавателей, при том что центр тяжести их работы должен быть перенесен на индивидуальную работу и на деперсонифицированный контроль знаний, на участие студентов в научных исследованиях и дискуссиях. По сути, речь идет о внутренней, в стенах образовательных учреждений, реформе, гораздо более трудной, чем изменение общих институтов проверки знаний и финансирования.

Наука. С началом реформ в обстановке трансформационного кризиса наука понесла большие потери вследствие резкого сокращения государственного финансирования и фактического «обнуления» заказов промышленности. В связи с этим в среде работников науки и поныне преобладают крайне негативные настроения. Любые реформы, любые преобразования встречаются ими в штыки, причем не только потому, что сложившийся порядок кому-то выгоден, — боятся еще большего упадка российской науки.

Летом 2005 г. глава Министерства образования и науки А. Фурсенко докладывал на заседании правительства концепцию реформы государственного сектора науки. Во-первых, предполагалось сокращение к 2010 г. числа государственных научных учреждений с преобразованием одной их части в акционерные общества с последующей продажей госпакета акций, а другой — в автономные государственные некоммерческие

организации, не состоящие прямо на бюджетном финансировании, но получающие государственные заказы. (Кстати, большинство университетов тоже предполагается преобразовать в эту форму.) Во-вторых, предусматривалось повышение зарплаты ученых в 2008 г. в среднем до 30 тыс. руб. в месяц. Но тогда решения так и не были приняты. Прошел еще год. В 2006 г. официально были озвучены некоторые новые идеи, в том числе о превращении РАН в клуб выдающихся ученых с существенным сокращением ее административных функций, передаваемых государственному органу, а также об утверждении президента РАН, как и губернаторов, президентом страны. Единственная реализованная идея — принятие поправок к закону «О науке».

Между тем ситуация в российской науке, как известно, быстро ухудшается. Затраты на науку в расчете на одного занятого в этой сфере составляют примерно 19 тыс. долл. в год (по паритету покупательной способности) против 100 тыс. долл. в Китае, 131 тыс. в Германии, 147 тыс. долл. в Корее. В рейтинге стран по числу статей в ведущих научных журналах мира Россия находится на 11-м месте (в 1995 г. она была на 7-м), а по цитируемости еще ниже — на 19-м. Назову важнейшие проблемы организации науки, которые известны, но по ним идут бесконечные дискуссии, и нет заметных продвижений:

- соединение науки с образованием, создание так называемых исследовательских университетов;
- концентрация ресурсов на приоритетных направлениях фундаментальных наук, реализация в этой области, кроме создания условий для индивидуального творчества, ряда крупных проектов;
- максимальная открытость и интеграция российской науки в мировое научное сообщество и независимая научная экспертиза;
- первоочередное и массовое развитие индустрии инноваций, коммерциализация науки.

Открытость, прозрачность сферы науки — крайне важное условие не только для ее собственного эффективного развития, но и для обеспечения общественного признания ее роли и значения. Поэтому жизненно необходима система регулярной оценки исследовательской деятельности научных организаций и вузов на базе международно признанных критериев и процедур с привлечением независимых экспертов, в том числе зарубежных, и с открытой публикацией выводов. На этой основе должны приниматься решения о поддержке отдельных организаций и научных направлений, а в случае необходимости — и об их реорганизации и даже ликвидации.

Именно на таких принципах развивается наука в ведущих странах мира. Здесь независимая научная экспертиза, отделенная от каких-либо ведомственных интересов, является одной из важнейших функций ученых и науки. У нас, к сожалению, при оценке научных достижений и определении направлений развития науки в значительной мере утрачена традиция опираться на объективное и квалифицированное мнение, которое отвечает научной этике. Ученые слишком зависимы от материальных и ведомственных интересов, от государства или фирмы.

Имеет смысл в этом ключе обсуждать роль Академии наук, реформа которой играет заметную роль в судьбе российской науки. Если она хочет управлять государственными ресурсами, тогда назначение президента РАН как госчиновника естественно. Если же она предпочитает роль гражданского института, центра научно-технической экспертизы,

то должна находиться в условиях, обеспечивающих независимость. Тогда ей могут быть присущи функции, имеющиеся у Лондонского королевского общества или Национальной Академии наук США или даже Института Франции, который полностью финансируется государством, но практически не управляет научными организациями, больше соответствует роли независимой экспертизы.

Индустрия нововведений. Общеизвестна оторванность российской науки от нужд практики. Одной из главных причин ее кризиса и существенным фактором отставания экономики является то, что в большинстве своем открытия не доводятся до коммерческого продукта. Доля затрат на технологические инновации в стоимости промышленной продукции составляет в России 1,16%, в Германии — 5, в Италии — 2,3, в Испании — 1,4%. Инновационная продукция занимает в ВВП России менее 1%, а в Италии, Испании, Португалии — от 10 до 20, в Финляндии — 30%⁶. В России в 2005 г. поступления от экспорта технологий достигли 389 млн долл., а выплаты по импорту технологий — 954 млн долл. Это соответствует примерно уровню Португалии (559 и 910 млн долл.), тогда как, например, в Швейцарии они достигают 7,5 и 8 млрд долл., в Великобритании — 29 и 14 млрд долл., в США — 57 и 24,5 млрд долл.⁷

Учитывая, что эти показатели характеризуют, можно сказать, «чистую продукцию» торговли инновациями, они позволяют оценить масштабы отставания — минимум на порядок. Создание сильной индустрии инноваций, множества небольших предприятий, занимающихся доведением идей ученых и изобретателей до торгуемого продукта, — задача номер один для нашей экономики. Я возлагаю большие надежды на программу «Старт», реализуемую фондом И. Бортника, на создаваемые венчурные фонды, на другие начинания в этой сфере и на обобщение опыта, который позволит выявить новые жизнеспособные формы развития индустрии инновации.

Нужен весь комплекс условий. Предположим, все упомянутые выше реформы в образовании, науке, индустрии инноваций проведены, предложения реализованы. Тогда с высокой вероятностью можно утверждать, что создание в России инновационной экономики, сопоставимой по уровню с США, Европой, Японией, возможно в перспективе 20—30 лет. Но только если будут выполнены в достаточном объеме все названные условия, как непосредственно важные для инновационной экономики, так и косвенно ее поддерживающие.

Отсюда необходимы подчинение власти закону, верховенство закона и независимость суда, которые так тяжело даются нам. Отсюда и требования к политической системе, которая должна исключать злоупотребление законом и полномочиями органов правосудия и правопорядка, что предполагает недопущение чрезмерной концентрации власти и политическую конкуренцию в рамках конституционных правил. Все это называется словом «демократия», не требующим каких-либо прилагательных.

Экономическая, институциональная и политическая системы в стране, которая стремится иметь сильную, конкурентоспособную

⁶ Независимая газета. 2007. 24 янв.

⁷ Индикаторы науки: Статистический сборник. М.: Изд. дом ГУ—ВШЭ, 2007.

инновационную экономику, более того, ставит цель почти заново создать такую экономику в ответ на вызовы нового века, должны быть поддержаны обществом, основными его силами. Формальные институты обязаны опираться на определенные нормы социального взаимодействия, предполагающие достаточные уровни ответственности, доверия, терпимости и солидарности, усвоенные и практикуемые большинством членов общества.

В целом речь идет о весьма сложных и тонких вещах, к исследованию которых уже давно с разных сторон стремятся направить усилия социальные науки. Они обозначаются такими близкими, но не идентичными по смыслу понятиями, как социальный капитал, гражданское общество, культура.

Культура

Социальный капитал. Это понятие введено в широкий оборот в 1980-е годы Д. Коулмэном и Р. Патнэмом⁸, которые считали, что принятые нормы социального взаимодействия по аналогии с физическим капиталом представляют некую ценность для экономики, способствуя повышению ее эффективности. Коулмэн также писал, что социальный капитал участвует в создании человеческого капитала и, по сути, сам является в известной мере его компонентом. Смысл в том, что для успеха коллективных действий или для блага некоего сообщества важно доверие его членов друг другу. В результате накопления коллективного опыта выясняется, что действия каждого с учетом интересов остальных приносят выгоду всем. Тогда этот опыт закрепляется в нормах поведения и действия всех согласно этим нормам направлены на развитие общества.

Известна «дилемма заключенного»: если он доверяет своему соратнику, которого содержат отдельно, он не признает свою вину и они оба получают более легкое наказание. Но если кто-то из них не доверяет другому, то один или оба признаются или сдадут друг друга. Другая дилемма коллективных действий — действия «безбилетника», который решает не придерживаться общепринятых правил, чтобы извлечь выгоду, и тем самым понижает доверие к правилам всех, побуждая и остальных к нарушениям, в результате чего общая выгода теряется.

К сожалению, действия «безбилетника» или предателя «заключенного» рациональны с точки зрения текущей индивидуальной выгоды и поэтому всегда имеют место в социальной практике в большем или меньшем масштабе. Но в разрушении доверия им противостоят, во-первых, формальные нормы — закон, поддерживаемый санкциями со стороны государства, во-вторых, солидарность — действия в помощь другим, попавшим в беду, дающие каждому уверенность в том, что и ему помогут.

Социальный капитал — необходимое и важное условие, но сложное явление. Снова на сцене появляется баланс, оптимум: существует

⁸ Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–121; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.

оптимальный уровень социального капитала, до которого его увеличение полезно для развития экономики, в том числе инновационной, но дальнейший его рост, если он чрезмерно стесняет свободу творчества, может оказать негативное влияние на развитие инновационной экономики.

Уровень доверия: Россия и мир. Представляется, что доверие — действительно базовый компонент социального капитала, взаимосвязанный с остальными. Поскольку большое число людей могут разделять примерно одинаковые чувства и это влияет на их поведение, доверие становится предметом социальной психологии и социологии. Но оно есть и экономическая категория: ожидание, субъективная вероятность того, что определенные субъекты будут поступать согласно принятым нормам, не в ущерб интересам тех, кого эти нормы защищают.

Доверие как состояние многих людей может быть оценено показателем доли людей в выборке, выражающих доверие ко всем или к определенным институтам по тому или иному вопросу. Опубликованные данные показывают высокий уровень доверия в Скандинавских и англосаксонских странах. Эти показатели несколько ниже в северной континентальной Европе и еще ниже в южной части Европы. В Прибалтике они близки к скандинавским показателям, а в других странах Восточной Европы — к странам западной части континента. То же в Латинской Америке. Самый высокий уровень доверия в Индии, затем в Китае и в Южной Корее. В Японии — он один из самых низких. Отсюда следует, что уровень доверия не связан с благосостоянием. Но похоже, он как-то отражает динамичность общества, оптимистические или депрессивные ожидания большинства его членов. Россия находится на одном из самых последних мест (с суммой положительных ответов 37,9%), хуже только в Южной Африке. Близкие показатели в Италии и Нигерии⁹.

При данном методе измерения связь между уровнем доверия и особенностями той или иной цивилизации, культуры не обнаруживается. Возможно, нужны иные измерители. Но как раз для характеристики общественных настроений, социально-психологического климата этот показатель подходит. Южная Африка, Нигерия, Россия и Италия, находящиеся в состоянии институционального и культурного кризиса, имеют самые низкие уровни доверия (менее 40%), Япония и Чехия — показатели ниже 50%.

Мы не располагаем данными для исследования динамики и межстрановых сравнений данного показателя. Но для России известно, что тот же вопрос с вариантами ответов из трех позиций (да, нет, затрудняюсь ответить) дает следующую динамику ответов «да»: 1989 г. — 54%, 1990 г. — 25, 1991 г. — 36, 1995 г. — 24, 1998 г. — 22, 2005 и 2006 гг. — по 22%.

В 1989 г. Россия уже «вползала» в глубокий трансформационный кризис, но общество было полно оптимистических ожиданий в связи с началом демократизации, гласности и т. п. Затем произошло резкое падение: ожидания не оправдываются, экономическая ситуация явно ухудшается, а перспектив на перелом нет. В 1991 г. — некоторый подъем настроений в связи с революционными переменами, но с началом рыночных реформ и их тяжелыми последствиями, многочисленными случаями напрасных ожиданий, обманов, быстрым ростом социального неравенства уровень доверия падает еще ниже.

⁹ Более подробно см.: World Values Survey 1990 (<http://www.worldvaluessurvey.org>).

Социальный цинизм. Это понятие использовали М. Бонд и К. Леунг как одну из своих социальных аксиом, описывая его следующим образом: разрушительные последствия власти, авторитета, богатства, ориентирующие других в направлении эгоцентризма и равнодушия к согражданам. Н. Лебедева и А. Татарко характеризуют социальный цинизм как бесполезность демонстрации доброжелательности к другим и неизбежность провала благотворительности и энергичного служения общественной пользе. Люди уверены в том, что окружены враждебными, эгоистичными и властными индивидами, группами и институтами, притесняющими и подавляющими их¹⁰. Для сегодняшней России это явление представляется исключительно важным и опасным.

Доверие к публичным институтам. До сих пор речь шла о так называемом *горизонтальном доверии* — между людьми в равноправных, партнерских отношениях. Остановимся на вопросах *вертикального доверия* в отношениях между людьми и публичными институтами — государственными и негосударственными (общественными). Согласно данным World Values Survey, *в этом измерении Россия также характеризуется чрезвычайно низкими значениями уровня доверия.* В таблице 4 приведены средние по нашей выборке уровни доверия к публичным институтам в странах разных цивилизаций и культур.

Т а б л и ц а 4

**Средние уровни доверия к публичным институтам
в некоторых цивилизациях и странах в 1999—2002 гг. (в %)**

	Западная Европа и Северная Америка	Восточная Европа	Россия (2006)	Китай	Индия	Бразилия	Япония
<i>Государственные институты</i>							
Правительство	33,8	40,4	39,0	95,2	48,5	48,2	25,4
Парламент	36,8	34,0	33,0	90,2	41,6	33,3	29,7
Правосудие	51,0	46,0	30,0	86,3	66,8	54,7	76,1
Полиция	72,4	42,1	31,0	71,3	34,0	44,9	48,1
<i>Негосударственные институты</i>							
Образование	65,9	54,6	68,3*	91,2	72,6	—	48,0
Церковь	49,3	70,9	51,0	4,5	78,9	73,8	9,0
Пресса	33,7	44,7	46,0	64,6	72,6	61,0	70,2
Телевидение	33,9	50,4	—	71,2	51,9	57,1	65,1
Профсоюзы	35,0	31,3	24,0	43,0	35,9	53,9	33,3
Политические партии	19,0	18,4	21,0	74,3	16,8	32,2	16,5
Крупные компании	52,0	39,0	26,0	42,3	32,2	66,9	24,3

* 1999 г.

Такая группировка данных позволяет увидеть полюса уровня и структуры вертикального доверия: это европейская цивилизация и Китай. Между этими полюсами лежат другие страны и культуры. В Восточной Европе больше доверяют правительству, меньше — суду и полиции. Здесь более авторитетна церковь и средства массовой

¹⁰ Лебедева Н., Татарко А. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ—ВШЭ, 2007. С. 51, 54.

информации, меньше доверия к бизнесу. Видимо, сказываются последствия господства коммунизма: церковь обрела влияние как идеологическая альтернатива, недоверие к правосудию и полиции отражает их состояние после свойственного коммунизму циничного отношения к законности.

По России, пережившей в конце XX в. крупнейшие потрясения, мы имеем три замера. Последний произведен Левада-Центром в 2006 г. по заказу Общественной палаты. По составу публичных институтов он несколько отличен от замеров World Values Survey 1990 и 1999 гг., но также показывает весьма низкий уровень доверия к публичным институтам, можно сказать ниже всех, кроме Японии. Но там, как и в европейских странах, заметно выше доверие к правосудию и полиции. У нас он ниже всех, зато высок уровень доверия к президенту (72%), который, видимо, притягивает к себе часть доверия ко всем государственным институтам.

Можно предположить таковым свойство любого авторитарного режима в зените его силы. У нас так же, как и в Восточной Европе, высок уровень доверия к церкви, но с 1990 г. (60,5%) он медленно снижается (56,4% в 1999 г. и 51% в 2006 г.). И это несмотря на стремление власти и окол властных кругов повысить роль основной религии. Образование, наоборот, пользуется возрастающим авторитетом. Следовательно, нынешняя ситуация в России характеризуется низким уровнем доверия в обществе и к основным публичным институтам. Диагноз распространенности социального цинизма подтверждается.

Гражданское общество

Свойства социального капитала — доверие, ответственность, терпимость, солидарность — являются также чертами гражданского общества и условиями его функционирования. *Ответственность и свобода* — это бремя, поскольку безответственность легче, но это доля раба. *Солидарность, терпимость* — основы участия. Если вы готовы сопереживать проблемам других людей и выражать с ними солидарность, проявлять терпимость к иным мнениям, то вы готовы в какой-то форме к участию в решении общественных проблем. Вы становитесь «участником» их решения. Тогда и вы сами можете рассчитывать на солидарность и терпимое к себе отношение. Но есть такие решения, которые не могут, не должны делегироваться никому, если человек хочет быть свободным: он не может передавать другим те возможности и права своего собственного развития, которые и составляют суть свободы.

У нас распространены два утверждения относительно гражданского общества. Первое: это общество, в котором все граждане заинтересованы в общественных делах, активно участвуют в них и готовы ради общественного блага жертвовать собственными интересами, что является отголоском бытовавшего ранее представления о коммунистическом обществе. Второе мнение: гражданского общества в выше приведенном определении в России не существует; стало быть, мы не

готовы к демократии, к соблюдению прав и свобод человека, в силу чего нам необходимы сильная власть, сильное государство, которое замещает институты гражданского общества.

Эти утверждения противоречат друг другу и в то же время взаимно дополняют. С одной стороны, либералы говорят, что у нас нет гражданского общества и поэтому за них не голосуют избиратели, которые не ценят свободу. С другой — представители авторитарного режима вторят им: пока общество не созрело, будем править мы. Но в таком случае общество никогда и не созреет, поскольку власти будут отнимать у него все легальные способы защиты и публичного выражения прав и свобод.

Я исхожу из иного определения: гражданское общество — это общество индивидов, готовых защищать свои интересы, права и свободы и способных ради этого объединяться в те или иные ассоциации, не зависящие от государства. Такое гражданское общество — реальность, порой жесткая, чреватая противоречиями, столкновениями интересов, но вместе с тем оно вырабатывает культуру компромиссов и солидарности, дающую людям возможность жить вместе. Это определение коррелирует с представлением о гражданском обществе как о совокупности таких ассоциаций или общественных неправительственных некоммерческих организаций, но не совпадает с ним. Различие заключается в следующем. Независимые ассоциации свидетельствуют не столько о наличии гражданского общества, сколько о том, что есть граждане, готовые добровольно в них участвовать для защиты или продвижения своих интересов, стать активными участниками общественной жизни. Такие организации содействуют выработке у индивидов тех качеств (доверия, ответственности, терпимости, солидарности), которые являются компонентами социального капитала.

Гражданское общество, в отличие от социального капитала, всегда соотносится с государством. Независимость институтов гражданского общества мыслится как независимость от государства. Есть условия для такой независимости — есть и гражданское общество. Нет их (по причине, например, давления со стороны государства или пассивности членов общества, неготовности защищать свои интересы и права) — нет и гражданского общества.

Организации, которыми представлено гражданское общество, не борются за власть, поэтому как таковые они не являются политическими, во всяком случае в демократическом государстве, но в авторитарном государстве такие организации могут рассматриваться как покушение на позицию властной группы без всяких к тому усилий с их стороны и приобретать политический характер. Это связано с тем, что гражданское общество в силу своей независимости в определенном смысле противостоит государству, стремясь подчинить власть интересам граждан, не позволить ей злоупотреблять правом легитимного насилия.

Уместно напомнить, что гражданское общество в данном контексте мы рассматриваем с позиций готовности общества к модернизации. Можно предположить, что если гражданское общество через свои институты и организации содействует выработке компонентов социального капитала должного качества, а также обеспечивает контроль над тем, как государство исполняет свои полномочия, оно в целом повышает го-

товность общества к модернизации, содействует формированию инновационной экономики. По-разному, но гражданское общество присутствует во всех демократических странах и играет важную роль в сохранении и развитии демократических институтов. С переходом к инновационной и креативной экономике его влияние будет возрастать особенно потому, что государство надо более жестко «держат в узде» во избежание чрезмерных регламентаций, препятствующих свободе и креативности.

Я убежден, что в России существует гражданское общество в определенном выше смысле. Но оно еще имеет слабый характер из-за традиционной подавленности его государством и вследствие того, что в обществе преобладают не граждане, а подданные. А. Алмонд и С. Верба писали о гражданской культуре как о сочетании трех культур: «приходской» (или общинной), где еще нет обособления политических ролей, «подданнической» — в отношениях с государством, где человек — низшее звено иерархии подчинения и ведет себя пассивно; и «культуры участия», которая соответствует требованиям «демократии участия»¹¹. Авторы подчеркивают, что гражданская культура имеет смешанный характер, многие граждане занимают активную позицию в общественных делах, но другие, их большинство, пассивны. Более того, даже у активных граждан сохраняются в определенных отношениях качества «подданных» и «прихожан»¹². Этот вывод — важный шаг навстречу реальности. Для современного массового общества очень характерна такая смешанность, неоднородность, причем в разных пропорциях: «участники», «подданные», «прихожане».

Мне неизвестна норма доли «участников» в населении, при которой данное общество можно назвать гражданским. В Японии в различного рода общественных организациях, согласно исследованиям 1970-х годов, состояло 72% граждан. Это, пожалуй, самый популярный показатель степени развития гражданского общества. В Нидерландах — одном из признанных образцов гражданского общества — 56%, в США — 60, а в Индии, тоже демократической стране, — 16, в России 8—10%¹³. Во всех этих странах очень разные культуры, определяющие интерпретацию универсальных измерителей, которые пытаются применить всюду, чтобы можно было сравнивать.

Выводы для России. Во-первых, повторю, в указанном выше смысле у нас есть гражданское общество. Его отсутствие, следовательно, не является препятствием ни для модернизации, ни для демократии. Последняя отнюдь не требует гражданского общества как условия; это касается только «демократии участия» скорее как утопического идеала. Есть еще демократия элитарная — может быть, более корректно назвать ее представительной, которая и является реальностью в большинстве демократических стран, успешно справляется со своими функциями. Во-вторых, наше гражданское общество еще слабое, в нем мало «участников», но много «подданных», есть и «прихожане», оно не противостоит государству, слабо защищает от него права и свободы

¹¹ Ясин Е. Г. Приживется ли демократия в России? М.: Новое издательство, 2006.

¹² Политология: Хрестоматия. СПб.: Питер, 2006. С. 274—275.

¹³ Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России / ИМЭМО М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 40, 73.

личности, в том числе свободу творчества. В-третьих, гражданское общество — не противник государства, а противовес ему. Я согласен с мнением, что современное гражданское общество, как и демократия, порождены рыночной экономикой и государством. Но сильное гражданское общество содействовало бы развитию инновационной экономики, его усиление является одной из сторон модернизации. Хотелось бы надеяться, что гнет государства, вызывая нарастающее сопротивление гражданского общества, усилит и его влияние.

Культура имеет значение¹⁴

Определения. Культура — понятие широкое и неопределенное. Существует шесть классов определений культуры, используемых только в антропологии. Еще одно определение — из кросскультурной психологии: культура — это все, что создано человечеством¹⁵. Добавлю еще одно определение.

Изначально должны были существовать какие-то инстинктивные или в какой-то форме осознаваемые его членами механизмы регуляции взаимоотношений людей, живущих в сообществе. Накапливая опыт, каждый передавал ценную и полезную информацию другим членам сообщества, которая откладывалась в памяти индивидов, образуя и некую общую социальную память, передававшуюся из поколения в поколение и выделявшую полезные по прежнему опыту действия из всей их совокупности. Те же сведения использовались и для оценки вновь поступившей информации с целью различения полезного и вредного, хорошего и плохого. И предметы материальной культуры — от станка и компьютера до памятников архитектуры и живописи — важны для нас не материалом, играющим ту же роль, что и бумага как носитель информации, но информацией, которая в материале содержится.

Однако культура — это не вся информация, находящаяся в обороте, а сведения многократного пользования, своего рода основной капитал, долговременная память. Они, в свою очередь, тоже распределяются по уровням с учетом частоты обращения и важности сохранения. Понимая всю условность членения, я бы выделил память *оперативную, краткосрочную*, то есть с коротким периодом актуальности, *среднесрочную и долгосрочную*.

Другое определение культуры, предлагаемое психологами: культура — совокупность неосознаваемых положений, ценностей, норм и моделей поведения, которые усвоены в такой степени, что люди не рассуждают о них; культура есть наученное поведение¹⁶. Это доволь-

¹⁴ Под таким названием в 2002 г. вышел сборник трудов видных ученых-гуманитариев, подготовленный в рамках проекта Гарвардской академии международных и региональных исследований, с подзаголовком: «Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу». Авторы этой книги, по сути, пытались ответить на те же вопросы, что наша нынешняя VIII конференция. Только мы ищем ответы конкретно для России, поэтому я использовал этот заголовок.

¹⁵ Лебедева Н. Введение в этническую и кросскультурную психологию. М.: Изд. дом «Ключ-С», 1999. С. 23–24.

¹⁶ Лебедева Н., Татарко А. Указ. соч. С. 25.

но неожиданное определение и на первый взгляд никак не связанное с предложенным ранее. Но стоит вдуматься.

Согласно этому определению, главное в культуре — автоматизм реакций, усвоенные нормы на бессознательном, можно сказать, социально-инстинктивном уровне. Информация, поступающая с более поверхностных слоев, как бы проходит фильтр, действующий автоматически и сомнений относительно его содержания в обычной жизни не вызывающий. Опираясь на накопленный социальный опыт, он отсекает избыточную по определенным критериям информацию, которую индивид или сообщество воспринять не могут из-за ограничения пропускной способности. Картина мира упрощается, но в то же время она делается более упорядоченной, в ней можно уловить какие-то связи, ускорить принятие решений. Автоматизм повышает устойчивость и затрудняет изменения.

Важнейшим элементом культуры является язык. Он — средство общения и хранения информации, а также самоидентификации сообщества, различия «свой—чужой». Культур много, и понимание различий между ними важно по крайней мере в трех отношениях. Во-первых, они могут приводить к разным результатам развития экономики и общества. Во-вторых, культуры по определению малоизменчивы, но все же меняются. Изменения в культурах происходят под влиянием изменений в окружающей среде, экономике, в силу взаимодействия разных культур. В-третьих, при преодолении культурной отсталости всегда возникает болезненное противоречие между традицией и модерном: нужно усвоить новые представления, институты, ценности и в то же время постараться не утратить свою идентичность.

Вернемся к мысли, что культура прежде всего «склеивает» множество индивидов в общество и в то же время делает их индивидами в той мере, в какой они владеют культурой. В. Зинченко, отсылая читателей к основателю культурно-исторической психологии, видному российскому ученому Л. Выготскому, пишет: «Культура как бы предоставляет человеку инструментарий, соответствующее материальное оснащение и духовное оборудование для его поведения и деятельности. Овладевая культурой, человек одновременно овладевает собой и своим поведением, *становится человеком*»¹⁷. Развитие культуры, содействующей росту продуктивности, разнообразию возможностей, и есть прогресс. Это важный элемент так называемой *эволюционистской парадигмы*, состоящей в том, что развитие от простого к сложному, составляющее суть прогресса, есть постулат, который может быть положен в основу изучения прошлого и предвидения будущего.

Но культура не строится по проекту, она развивается органически, наслаивая самые разные пласты. Поэтому в той или иной культуре возникают многочисленные, известные из институциональной теории так называемые QWERTY-эффекты — случаи укоренения не лучших, а успешных распространиться и закрепиться институтов. Поэтому разные культуры различаются по продуктивности, развиваются разными темпами, конкурируют между собой.

Состояние культуры сегодня. Острой необходимостью, особенно в нашей стране, является новое нравственное сознание. Наука и об-

¹⁷ Зинченко В. Психология доверия. Самара, 2001. С. 13.

разование, даже очень хорошо поставленные, не снимут проблему того нравственного одичания, которое становится для нас едва ли не главной проблемой. Особенно характерным сегодня для России стало повсеместное распространение социального цинизма, получившего негласное кредо политики и бизнеса.

Широкое распространение получила практика заведения уголовных дел на предприятиях. Обе стороны — государство и бизнес — узнают, что прокуратура и суд чаще всего оказываются на стороне государства, довольствуясь той трактовкой законов, которая позволяет вынести обвинительный приговор. Так, в 2006 г. средняя доля теневого оборота малых предприятий составила 38,3% против 44,6% в 2002 г., причем снижение произошло в основном за счет сокращения теневых продаж, то есть прямого укрывательства (с 20,6 до 14,9%), доля же второй важнейшей формы — «обналички» осталась прежней (23,9 и 23,3%). При этом теневые доходы в 2006 г. использовали: на выплату зарплаты «в карман» — 69% предприятий; на взятки чиновникам — 48% против 57% в 2002 г.; на теневые выплаты поставщикам — до 52% предприятий против 46% в 2002 г.; на теневую оплату аренды помещений — 25–28%; на выплаты криминальным «крышам» — 18–21%. Из неучтенных доходов на «серую» зарплату использовалось по-прежнему 14% средств, доля взяток выросла с 7,8% в 2002 г. до 9,3% в 2006 г. Предприятия, платившие взятки (дают не все), тратили на это в среднем 15–17% всех теневых доходов и оставляли себе в виде прибыли 19–20%¹⁸.

Теперь вдумаясь в то, какую жизнь, с учетом приведенных фактов и данных, ведет российский предприниматель? Она по меньшей мере ненормальна и должна плодить цинизм и недоверие к тем, кто живет иначе. А у других — недоверие к бизнесу. Почему так получилось? Большинство, видимо, понимает, что это следствие страшных потрясений, пережитых Россией в XX в. Какими бы благими намерениями ни руководствовались вожди большевистской революции, все они были убеждены в том, что цель оправдывает средства. Главная их вина перед потомками даже не геноцид против собственного народа, а больше всего растление душ, внушение людям убеждения, что можно говорить одно, думать другое, делать третье...

Началась перестройка, но вскоре последовало нарастающее разочарование, усугубленное экономическим кризисом. Затем рыночные реформы, ставшие тяжелым испытанием для большинства, резкое расслоение общества по благосостоянию и собственности, постоянное невыполнение государством своих обязательств, коррупция среди чиновников, неработоспособность правосудия и органов правопорядка окончательно подорвали доверие к людям и публичным институтам. Описанная схема вымогательства сложилась, между прочим, в последние годы.

Влияние всей совокупности обстоятельств на нынешнее состояние нравственности, на социальный капитал оказалось чрезвычайно разрушительным. Наша культурная отсталость, вполне очевидная в дореволюционной России, была усугублена при советской власти и в ходе рыночных реформ. Становление капитализма, формирование частной собственности не могли не пробудить страсти к обогащению, к росту преступности и коррупции, и это способствовало усилению правового нигилизма и социального цинизма.

¹⁸ Шестоперов О., Щетинин О. Оценка доли теневого оборота в малом предпринимательстве и факторы, на нее влияющие: [рукопись] / Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства. 2007.

Предстоит еще оценить итоги последнего периода, когда неожиданно нахлынувший поток «нефтяных» денег позволил поначалу решить ряд наболевших проблем, но затем стал очевидной причиной перераспределения собственности, огосударствления экономики и торможения жизненно необходимых реформ, особенно в социальной сфере. Не случайно показатели уровня доверия в этот период практически не повышались.

Все изложенное выше о культуре касалось в основном верхнего ее уровня — представлений и установок, которые более подвижны. На этом уровне мы можем констатировать ситуацию плачевную, определенно препятствующую модернизации. Но, может быть, на более глубоком уровне — уровне ценностей национальной культуры дело обстоит иначе?

Универсальные ценности для сравнений. Специфические системы ценностей можно считать средством идентификации и самоидентификации сообществ, имеющих культурные отличия, а также для сохранения своей культурной идентичности. Вместе с тем в ценностях разных культур должно обнаруживаться сходство, а различия зачастую будут сводиться к разным предпочтениям одних и тех же ценностей.

Наблюдая за изменениями ценностей, можно в какой-то мере судить и о направлении развития данного общества, и о его готовности к необходимым переменам, в том числе к модернизации. Отсюда естественное желание исследователей построить систему универсальных ценностей, чтобы в ее рамках определить место каждой цивилизации, каждой культуры. Из ряда самых известных в мире проектов исследования универсальных ценностей воспользуемся разработками С. Шварца. В его концепции выделяются три ключевые проблемы каждого общества и соответственно как бы три оси координат.

Первая проблема — отношения между личностью и группой: *принадлежность или автономия*. Особенности измерений Шварца в том, что автономию он делит на два вида — *интеллектуальную*, предполагающую творчество, любознательность, широту взглядов, и *аффективную*, состоящую в стремлении к удовольствиям, наслаждению жизнью.

Вторая проблема — способ обеспечения социально-ответственного поведения. Один из альтернативных способов — *равноправие*, предполагающее сетевые отношения между равными индивидами с обязанностью каждого учитывать интересы других, проявлять терпимость и солидарность. Другой способ — *иерархия*, в которой социально приемлемое поведение обеспечивается отношениями подчинения или господства с соответствующим распределением ролей и статусов. *Равноправие* требует правового регулирования возникающих конфликтов, *иерархия* — подчинение воле вышестоящего, авторитету.

Третья проблема — отношение индивида к природному и социальному окружению. Шварц называет полярные ценности *гармонией* (в мире все хорошо, любуйтесь, но не меняйте) и *мастерством*. Это можно понять как ценность умения, высокой квалификации, таланта, но более широко — предпочтительность самовыражения, возможность достижения успеха. Характерные для цивилизаций предпочтения ценностей показаны в таблице 5.

Ценностные предпочтения цивилизаций или регионов со своеобразными культурами (корреляции при измерениях по Шварцу), положительная корреляция — (+), отрицательная корреляция — (-)

	Автономия (+) Принадлежность(-)	Равноправие (+) Иерархия (-)	Мастерство (+) Гармония (-)
Западная Европа	+0,37	+0,54	+0,38
Англоязычные страны	0,00	-0,07	-0,38
Конфуцианские культуры	-0,16	-0,44	-0,30
Южная Африка	-0,24	-0,16	-0,29
Южная Азия	-0,21	-0,33	-0,04
Восточная Европа	+0,23	+0,09	+0,35
Латинская Америка	+0,11	+0,18	+0,03

Источник: Лебедева Н., Татарко А. Указ. соч. С. 45.

Динамика ценностей в современной России. Упомянутый выше проект исследования ценностей даст представление о том, в каких терминах сегодня обсуждается эта проблема. Надо подчеркнуть, что речь идет об универсальной структуре ценностей, которая давала бы возможность производить международные сопоставления. А без них в полной мере нельзя выявить и национальную специфику. По методу Шварца мы имеем возможность сопоставить динамику измерений ценностей в России.

Теперь посмотрим на данные 2005 г. Для их лучшего восприятия мы даем рисунок, на котором приведены сведения по Швейцарии и Китаю (см. рис.). Как видим, по ценностям иерархии и коллективизма Россия заметно подвинулась в сторону Китая, хотя в то же время несколько повысилась и склонность к равноправию: опрашиваемые не воспринимали эти ценности как полярные. Ухудшилась гармония и повысилась ценность мастерства: сдвиг в пользу возможности обеспечения достижений в ущерб природе и гуманности. Но особенно настораживают снижение оценки интеллектуальной автономии и заметный рост аффективной автономии — от творчества к удовольствиям, что, очевидно, свидетельствует об уменьшении потенциала развития.

Таким образом, по трем ценностям (иерархия, коллективизм, интеллектуальная автономия) выявилось движение вспять; рост стремления наслаждаться жизнью вместо самовыражения также не свидетельствует о позитивной динамике. Только сдвиги по мастерству обнадеживают: Россия опережает Западную Европу, не говоря уже о Восточной.

Общие выводы, опирающиеся на эти и иные данные, таковы. Во-первых, *система ценностей в России достаточно близка к европейской*, но все же она консервативнее, традиционна, больше склонна к порядку, иерархии и меньше — к правам и свободам личности. Это подтверждается известными фактами и вызывает доверие к примененным методам исследования. Во-вторых, в 1990-е годы произошли, при всей малоподвижности ценностей, *ощутимые сдвиги в пользу ценностей, полезных для модернизации* (интеллектуальная автономия и мастерство), — эти ценности оказались выше, чем в Западной Европе. В-третьих, итоги развития в 2000—2005 гг. противоречивы: интеллектуальная автономия и мастерство изменялись в разных на-

Сдвиги в системе ценностей россиян за 1999–2005 гг.

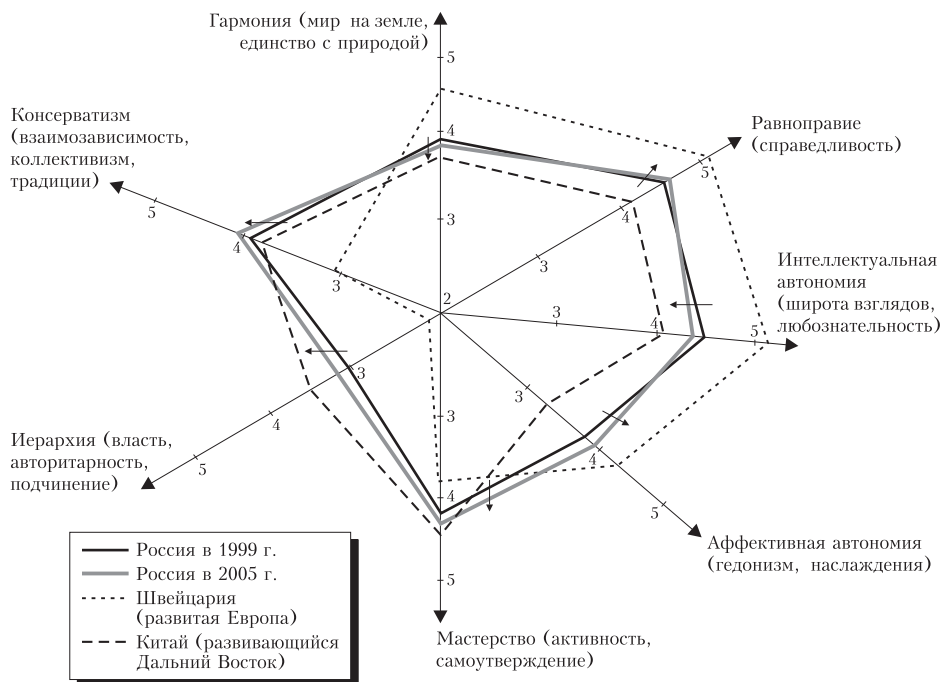

Рис.

правлениях. Нарастающий гедонизм взамен развития творческих способностей снижал активность и энергию. В-четвертых, по важнейшим направлениям произошел откат (иерархия, принадлежность), что явно связано с усилением давления государства, подавлением независимых источников инициативы. Культурные предпосылки модернизации ухудшились.

Меры доверия

В целом можно сделать следующие основные выводы.

1. Страна нуждается в модернизации и объективно готова к ней. Суть модернизации в переходе к инновационной экономике.
2. Для перехода к инновационной экономике нужны прежде всего серьезные институциональные и культурные изменения. Ни нефть и газ, ни масштабные инвестиции проблемы не решат. Только институты и культура.
3. Состояние институтов и культуры неблагоприятно. Именно из-за них, можно сказать, российское общество не готово к модернизации, к инновационной экономике. Его съедает кризис доверия и социального цинизма. Причем это не только результат коммунистического наследия и тяжелых рыночных реформ, но и последнего периода.
4. Нужны меры доверия, способные изменить общественный климат, повысить гражданскую активность, дать импульс новой волне перемен, которые пользовались бы поддержкой большинства населения. Сегодня дело не столько в новых идеях, сколько в новой политике.

Во-первых, если нас сравнить с другими странами BRICs, то *мы более всех готовы начать переход к инновационной экономике*. Отставая по многим параметрам от конкурентов, Россия ближе всех подошла к барьеру, который должна взять. Рядом Бразилия, но у нее еще есть резервы экстенсивного индустриального развития. Главная проблема здесь — создание рабочих мест, не инновации, а именно рабочие места. На нас же надвигается дефицит рабочей силы, грозящий сокращением ВВП, если не удастся на порядок повысить производительность.

Китай и Индия быстро растут, осуществляя свою индустриализацию и попутно заимствуя передовые технологии. Они набрали скорость в модернизации в отличие от России, поскольку наш рост опирается на дороговизну добываемого у нас сырья. У них тоже будут трудности с трансформацией институтов и культуры, поскольку большинство населения продолжает жить в архаичных укладах. Мы же — городская страна с образованным населением. Даже демографический кризис в этом плане может сыграть для России позитивную роль: он не оставляет ей иного выхода, кроме перехода к инновационной экономике. Если мы не будем осознанно трансформировать институты и культуру в соответствии с ее требованиями, то снова придется пережить экономический и социальный кризисы. Китай и Индия еще довольно далеки от этой суровой необходимости.

Во-вторых, назрела *необходимость крупных инвестиций, в том числе и государственных, в трансформацию институтов*, чтобы одновременно добиться повышения уровня доверия. До сих пор инвестиции у нас понимали как капиталовложения в производственные объекты, в крайнем случае — в инфраструктуру. Инвестирование в институциональные изменения, в реформы пока не воспринимается обществом серьезно. Назову несколько объектов таких инвестиций.

1. *Пенсионная реформа*. Если мы хотим перейти на накопительную пенсионную систему, то следует инвестировать крупные средства, чтобы введение накопительной системы не нанесло ущерба ныне живущим пенсионерам. Е. Гайдар высказал определенные идеи на этот счет, включая обращение Стабилизационного фонда или его части в пенсионные накопления будущих пенсионеров¹⁹. На те же цели могут быть направлены средства, вырученные от новой программы приватизации. Я бы к этому добавил взносы из собственных доходов ныне работающих граждан молодого возраста на свои накопительные пенсионные счета, как это уже предлагал А. Кудрин в мае 2004 г. в увязке с мягкой схемой повышения пенсионного возраста²⁰.

2. *Реформы образования и здравоохранения*. Здесь нужны крупные вложения, чтобы добиться желаемых результатов. Идеи ускорения реформы здравоохранения охарактеризованы в докладе ГУ—ВШЭ²¹.

3. *Вложения в создание рынка доступного жилья*, необходимые для обеспечения доступности ипотечных или иных кредитов на приоб-

¹⁹ Гайдар Е. Российские финансы: что за горизонтом // Экономическая политика. 2007. № 1.

²⁰ Независимая газета. 2007. 16 марта.

²¹ Российское здравоохранение: как выйти из кризиса. М.: Изд. дом ГУ—ВШЭ, 2006.

речение жилья не только состоятельными семьями, но и теми, кто не имеет в данный момент необходимых накоплений. Это прежде всего вложения для преодоления разрыва между началом выдачи кредитов и наступлением времени их массового возврата. Но это также инвестиции в расширение производственной базы строительства и строительной индустрии, в подготовку необходимых кадров. Иначе кредиты населению будут повышать спрос, который и так велик, не увеличивая предложения. Кроме того, здесь необходимы жесткие меры по созданию конкурентных условий на жилищном рынке, по уничтожению коррупционных связей между местными властями и избранными ими компаниями-монополистами²².

4. Повышение пенсий и заработной платы бюджетникам.

Подобныерасходы ни в коей мере нельзя считать инвестициями — таково распространенное мнение. Я полагаю, что у нас здесь и сейчас эти расходы при определенных условиях могут стать инвестициями в институты. Напомню прежде всего, что в России коэффициент фондов, или децильный коэффициент (средний доход 10% самых богатых к среднему доходу 10% самых бедных), в начале 2007 г. достиг 15,3 раза против 14,9 раза годом ранее. Социальное расслоение непрерывно растет, и это является одним из факторов низкого уровня доверия к публичным институтам. Далее, сегодня уровень фиксированных доходов, то есть выплачиваемых государством, по сути, строится, как и в советское время, в расчете на «корзину» товаров и услуг, приобретаемых на текущие расходы. Предметы длительного пользования еще иногда доступны, но жилье (даже в кредит), газ, тепло и электроэнергия по нормальным ценам, взнос на счет пенсионных накоплений, медицинская страховка — уже нет. Монетизация льгот коснулась очень узкого круга льгот для пенсионеров и вызвала взрыв, остановивший все реформы.

Таким образом, как их все же проводить, если не запланировать необходимые расходы? Повышение пенсий и заработной платы с учетом всех дополнительных расходов семей и с превышением их, обеспечивающим спокойный переход, — просто необходимое дополнение к прямым инвестициям в перечисленные реформы. И не нужно говорить, что на эти цели нет денег или что они вызовут инфляцию. Для этого есть финансовое планирование, которое должно определить приоритетность всех расходов и сроки, на которые их следует распределить²³.

И последнее. Прогрессивные перемены в институтах и культуре невозможны без демократизации. Больше того, она — их органичная часть и условие повышения доверия. Все признают, что Испания добилась больших успехов в трансформации институтов и ценностей, осуществив для этого только две вещи: либеральные экономические реформы и демократию. И еще — король Хуан-Карлос вернул военных в казармы, когда они попытались устроить военный переворот. И это стало новым словом в национальной культуре.

²² Ясин Е. Г. Политическая экономия реформы ЖКХ. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.

²³ Ясин Е. Г. Нерыночный сектор: Структурные реформы и экономический рост. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 64–66.